

Николай Петрович Вагнер

Телепень

Содержание

I.....	.0004
II.....	.0009
III.....	.0015
IV.....	.0018
V.....	.0021
VI.....	.0026

Н. П. Вагнер
ТЕЛЕПЕНЬ

В старое время жили-были в землях оренбургских помещик и помещица: Ипат Исаич и Марфа Парфеновна Туготыпкины.

У Ипата Исаича было трое крепостных: мужик Гавлий, кучер Мамонт и лакей Гаврюшка.

У Марфы Парфеновны была одна крепостная душа, кухарка Эпихария, или просто Эпихашка.

Было у них прежде у каждого по двадцати душ, но эти души оттягал у них вместе с землицей сосед их, богатый помещик Иван Иванович Травников.

Прежде, еще не так давно, Туготыпкин и Травников жили душа в душу, были друзьями-соседями, да поссорились, и вот из-за чего.

Вся беда началась из-за барана. У Ипата Исаича было голов сорок овец, и овцы были наполовину русские, наполовину киргизские, с курдюками. И в особенности вышел на диво у него один баран — чернохвостый, морда губастая, рога в два заворота, шерсть косматая, кудря — до шкуры не доберешься.

А на ту беду как раз Иван Иваныч добыл курдюковых овец. Пристал он к Ипату Исаичу:

— Друг сердечный! Ипатушка! Продай барашка мне.

— Друг любезный, Иванушка-свет, подарил бы тебе, да самому мне надобен баран. Погоди: осень придет, подарю я барашка тебе, какого душа изволит.

Но был Иван Иванович с гонором и с нором. На соседушку смотрел свысока. «Я, мол-ста, чуть не бригадир, а ты, мол-ста, кто такое?.. Голопух! — Тебе для такого друга и барана жаль отдать. Подавись, мол, им. Щучья душа!»

— Нет, говорит, коли теперь барана не продашь, так мне и не надо-ти.

Замолк и пожевал губами, а это уж самый дурной знак был у него. Если он губами пожу-ет, то, значит, он крепко в обиду вошел.

Был Иван Иванович вдовец. Жену любил крепко и схоронил молодую. Оставила она ему девочку лет пяти, и этой девочкой он жил и дышал, но и она через два года померла. Остался Иван Иваныч бобылем круглым и

с горя сделался сутягой и кляузником. Тяжб у него была гибель, со всеми соседями — и ближними, и дальними. И разоренье от этих тяжб всем было немалое.

У Ипата Исаича и Марфы Парфеновны детки не жили. Только одна и выжила дочка Нюша. Шестой годок ей шел. Живая, бойкая, Юла Ипатовна — утешение старичкам на старости.

Кроме крепостных душ жила у них и вольная душа, только башкирская.

Надо сказать, что земля Ипат Исаича к башкирским землям подошла. И башкиры частенько к батъке Пат-Саичу приходили в своих нуждах жалиться.

Один раз, в морозный, крещенский вечер: стук! стук! стук! в оконце.

Отворила оконце с молитвой Эпихария:

— Кто, мол, тут такой?

Вошли два башкира. Совсем обмерзли. Малахаи заиндевели. Армяки закуржевели. Старший Бахрай привел брата своего Тюляй-Тюльпена.

Повалился в ноги Бахрай и брат туда же за ним.

— Сделай милость! — плачется слезно. — Добра чиловек! Пат-Саич! возьми брат мой. Совсем возьми... в батрак возьми... Землю нет... Верблюда нет... Ашать нечего... Юрта нет... Баран нет... Жена нет... девать куда нет... Сделай милость бери... Пожалиста, бери!.. — И плачет Бахрай — разливается.

Посмотрел Ипат Исаич на Тюляй-Тюльпентя и видит — он башкир здоровенный, в плечах косая сажень.

«Куда, мол, я его дену?»

А Марфа Парфеновна шепчет ему: Возьми, авось не объест. Все при доме лишний человек будет...

— А что ты умеешь? — допрашивает Ипат Исаич.

— Все умеешь... Кумыс делать умеешь... Шашлык стряпать умеешь.

— А пахать умеешь? — спрашивает Тюляй-Тюльпентя.

— Лядна! Лядна!.. ашать умеешь.

— Коней пасти умеешь?

— Лядна! лядна. Коней ашать умеешь...

— Рубить дрова умеешь?

— Лядна! лядна!.. дрова курить умеешь.

— Ну! лядна!.. — говорит Ипат Исаич. — Поживешь, посмотрим. Авось что-нибудь и увидим. Оставайся, батрак будешь.

И остался Тюляй-Тюльпень. Только сперва Эпихашка, затем Гавлий, кучер Мамон и лакей Гаврюшка, и все назвали его просто Телепнем. «Так, говорят, складней, да короче будет!»

И стал жить Телепень у Ипата Исаича.

Сперва, как взяли Телепня, так Эпихашка принялась было его обрабатывать. Поднимет его ни свет, ни заря и заставит печку топить, и Телепень добросовестно натолкает дров, так что всю печку до верху битком набьет. Просто крысе повернуться негде.

Придет Эпихашка, всплеснет руками. Давай ругать Телепня на чем свет стоит.

А он слушает, ухмыляется, головой кивает и только приговаривает:

— Лядна! Лядна!

Раз он Эпихашку совсем огорчил.

После обеда, на масляной, вздумала она попраздничать, а Телепня заставила посуду убирать. Принялся он, как всегда, с усердием, так что все чашки, горшки, ложки и плошки и пищат, и трещат.

Отлучилась Эпихашка за малым делом на полминутки. Прибежала, заглянула, руками всплеснула, ахнула.

Расставил Телепень все чашки, тарелки чинно рядком на полу, а Кидай и Ругай — два пса здоровенных, волкодавы — все это вза-

пуски лижут; а Телепень смотрит, руки в боки, и любитесь.

— Батюшки мои! Что ты делаешь, окаянный!

— Не замай!.. Лядна... Она лишет... чисто трет... А-яй! Больно хороша будет...

Завыла Эпихашка, побежала к Марфе Парфеновне, в ножки кинулась.

— Матушка барыня!.. Всю посуду нехристь опоганил... Всю псам дал вылизывать.

И пошел дым коромыслом. Накинулись все на Телепня: зачем посуду перепортил?!

А чем Телепень виноват?

— У нас, говорит, добра чиловек... всегда так живет... собакам даем... собака его лижет... языком трет... А-яй чиста бывает!..

Вот и толкуй с ним.

И сколько было с ним проказ, что и в год не расскажешь.

Один только мужик Гавлий стоял за Телепня горой, из уважения к силище его необычайной, да из-за любви его к коням.

— Ты, — говорит Гавлий, — животину уважь! Она тебе больше, чем человек, надо будет.

А Телепень любил «животину». С лошадьми и спал в хлевушке. Встанет чем свет. Уж он чистит, чистит, так что несчастную лошадь точно ветром качает, до десятого поту прошибет. И в особенности любимый конь у Телепня был Гнедко. С Гнедком он постоянно беседовал по-башкирски, иной раз даже до слез договорится. Говорит, говорит и расплачется.

А не то, так песню ему башкирскую поет. Уж он тянет, тянет, — так жалобно, что даже мужик Гавлий слушает, слушает и, наконец, плюнет с досады.

— Ишь, поди ты! — скажет, — ажно нутро все вынудил!..

В первую весну, как стал жить Телепень у Ипата Исаича, то послали его в поле пар пахать на Гнедке.

Показал Гавлий, как надо пахать, и ушел. Приходит через час и диву дался. Телепень на поручни у сохи доску приладил, вожжами укрепил и навалил он на эту доску камней пудов пять, впрягся сам в соху и пашет, а Гнедко под кустиком привязан стоит, травку жует.

Захохотал мужик Гавлий, руками всплеснул:

— Ах ты, дурень, дурень! Что ты творишь?!

А дурень весь как есть взмок, и пот у него с бритой головы в три ручья льет.

— Я, добри чиловек, мала-мала пахал... Добри чиловек... Гнедко пуццай отдохнет... а я за него пахал... Добри чиловек!

Хохотал, хохотал мужик Гавлий.

— Ну! — говорит, — башкирское чучело. Давай вместе пахать. Ведь ты все равно, что скот. А?

И начал Гавлий пахать на Телепне, сбросил камни, взялся за поручни.

— Ну! ну! пошла, башкирска чучела!

И пошел Телепень пахать. Пахали, пахали, до полдень чуть не полдесятины вспахали. Вот так «башкирское чучело»!

И с этих самых пор Телепень каждую весну и лето вперемежку с Гнедком, вместе с Гавлием и пахал, и орал, и боронил поля Ипата Исаича.

Сам барин и барыня и все соседи ближние и дальние приходили и приезжали, ахали и дивовались, как мужик Гавлий на «башкир-

ском чучеле» землю пашет.

Один раз, осенью, заставили Телепня навоз убирать, на поле вывозить. Он не только навоз весь счистил, но и землю под ним до самого сухого места всю выскреб и все на поле свозил.

Приходит Эпихашка: где коровы? где барашки? чуть из земли видны. Глядь! Они в яме стоят. Во всю длину сарая Телепень вырыл под ними громадную яму.

— Ах ты, дурень, дурень! — накинулась на него Эпихашка. — Хоть бы догадался, дурень, нам к избе навозу навозить. Стены бы прикрыл. Все зимой, чай, теплей бы было... А он, гляко-сь, и навоз, и землю, все на поле стащил.

— Лядна! — говорит Телепень.

Просыпается на другой день Эпихашка.

— Что это, батюшки, на кухне-то как темно!.. Петухи давным-давно пропели, а свету нет как нет.

Вышла на двор и руками всплеснула.

Телепень всю избу и окна навозом закрыл. Целых два воза на себе с поля притащил и укутал всю избу.

— Ах ты, бритая башка! Как же мы будем жить-то целую зиму впотьмах.

— Зачем впотьмах... нет впотьмах... Ти, душа моя... лючина жги... светле будет.

— Тьфу! окаянный.

И заставила Эпихашка Телепня навоз очищать, окна мыть. Только с первого же раза, как принялся он мыть окна с усердием, так два стекла чистехонько высадил.

Когда Иван Иванович и Ипат Исаич были еще друзья, то Иван Иванович нередко потешался над силой Телепня.

— Ну! Телепень, разогни подкову.

— Лядна.

И сейчас притащит подкову. Телепень возьмется за нее обеими ручищами, и подкова затрещит и хрястнет пополам.

Притащат другую подкову. Телепень возьмет ее в лапу, так что и подковы самой почти не видно, нажмет, и подкова хрустнет.

— Эка силища! — дивятся все.

В прежнее время, когда дружно жили друзья, то почитай каждый вечер или Иван Иванович сидит у Ипата Исаича, или он у Ивана Ивановича. Праздники непременно вместе. Рождество, Новый год, Пасху всенепременно Иван Иванович встречал и провожал у Туготыпкиных. Иногда и ночует и живет по целым неделям. И, действительно, что ему было делать дома одинокому? Одурь возьмет. Походит, походит по залам, посвистит, и в восьмом часу вечера, вместе с птицами, заляжет

спать.

У Ипата Исаича для Ивана Иваныча была даже особая горенка, угловая, с большим окном прямо в сад. А сад был большой у Ипата Исаича. В нем и яблони, и груши, и большие клены татарские и липы древние шатрами раскинулись. И за всем за этим вдали видны ковыльные степи башкирские.

Но больше всего привлекала Ивана Иваныча в семью к Ипат Исаичу пятилетняя Анюша. Напоминала она ему его собственную Анюшу, а с ней и семью и все, что потерял человек.

Тихо, пусто, мрачно стало все в душе Ивана Иваныча после смерти его девочки, точно в темном гробу у бобыля-покойника. И если бы другое время случилась такая оказия, что Ипат Исаич обидел отказом в подарке, на который друг закадышный напрашивался, то все бы обошлось смехом да шуткой — а тут, на-поди, и разошлось, и расстроилось.

Как началось дело, как получил Ипат Исаич первый вызов от уездного бузулукского суда, так он глазам не верил, а с Марфой Парфеновной чуть даже удар не сделался.

Съездил Ипат Исаич в Бузулук и узнал, что почти вся его вотчина к соседу отошла, «так, мол, суд решил; можете, мол, подавать на апелляцию».

Пробовал Ипат Исаич и на апелляцию подавать и даже сам в Оренбург съездил, но ничего у него не вышло.

Тяжелое было это время для Ипат Исаича. И похудел, и поседел он, и даже думал Телепня на все четыре стороны отпустить, но Марфа Парфеновна упросила.

— Оставь, Ипаша, что в самом деле, есть еще кусок хлеба, с голоду не помрем, а парню деваться некуда.

Пережил этот лихой год Ипат Исаич с семьей и потихоньку помирился с своей участью.

IV

Прошел после этого еще год. Ипат Исаич и вся семья и все домашние совсем вошли в колею новой жизни и всю беду забыли.

— Мама! — спрашивает иногда Ньюша. — А когда к нам опять приедет дядя Иваша?

— Никогда, Ньюша, не приедет, никогда, моя ясочка бисерная. Дядя Иваша злой. Он у нас всю землю оттягал. Никогда он не приедет.

— Нет! он добрый, и надо ему только сказать, мамочка. И я ему скажу. И он всю землю нам опять отдаст.

— Да! Как бы не отдал, держи карман!

— Отдаст!

— Не отдаст, конопляночка!

— Нет! отдаст, мамочик.

И Ньюша твердо была уверена, что дядя Иваша отдаст им опять землю. Да и как же было ей не верить в силу своего слова, когда дядя Иваша, в угоду ей, сам, бывало, превращался в дитя малое. Он с ней в куклы играет. Он ее на четвереньках возит. Он ее по всему саду на тележке катает. Бежит на своих длин-

ных ногах, точно журавль, а Ипат Исаич на балконе стоит — помирает хохочет.

У Нюши полон угол игрушек, и все ей дядя Иваша подарил, — кукол нарядных, лошадок всяких, баранов, козлов, медведей, гусей, петухов... чего хочешь, того просишь.

Как же ей было не верить, что он и землю назад отдаст?

«Он только пошутил, — думает она, — а папа с мамой думают, что он и взаправду отнял».

Рождественским постом вдруг узнает Ипат Исаич из Бузулука, что на него опять иск подан. Был у него один сват и старый приятель в судейском приказе, которому он к каждому большому празднику посылал кур, индюков, гусей и тушу свиную.

«Должен известить я вас, сватушка, — писал приятель, — что снова на вас взводят неприятности. Опять ваш злодей на вас поднялся и просьбу подал о том, будто ваша усадьба на его дедовской вотчине выстроена, и планы и свидетелей тому представил. А за куры и индюки и протчую живность низко кланяюсь моему сватушке и милостивой го-

сударыне Марфе Парфеновне»...

Не дочитал до конца Ипат Исаич. Кровь у него в голову ударила, потемнело в глазах. Послали в ближнее село к богатому помещику Криленкову за цирульником и кровь метнули.

Целый вечер все в доме ахали, да вздыхали, даже Нюша плакала и почти совсем решила, что «дядя Ивашка злой, волк ненасытый!»

А Рождество между тем приближалось. До Христова праздника оставалось всего пять дней.

Приходит Ньюша вечером к Марфе Парфеновне.

— Мамочка! — говорит, — ведь дядя Иваша рассердился за то, что папа ему барана не подарил.

— Кто это тебе сказал?! — допросила Марфа Парфеновна.

— Мне Эпихашка это сказала... Ну! слушай, мамочка... Пусть папа этого барана ему отдаст, а от меня вот ему еще барана. И она отдала картонного барана без рогов и в лоскутки его обернула.

— Ладно! — говорит Марфа Парфеновна в раздумьи, взяла и положила барана на подоконник, а сама думает:

— Разве и взаправду послать ему этого поганого барана, авось, смилостивится...

Ужели у него, прости господи, души человеческой нет!!.

Пошла она к Ипату Исаичу. Долго они тихохонько шушукались, что решили неизвестно, но после этого через два дня принялся Ипат Исаич письмо строчить.

Нашли лоскут синей бумаги. В чернильнице, вместо чернил, мухи оказались: подлили в нее горяченькой водицы, и получился бурый экстрактец. И вот этим экстрактцем Ипат Исаич настрочил письмо к соседушке. Целый день писал, — даже голова разболелась — и написал он следующее:

«Милостивый государь мой, батушка свет Иван Иванович, на что, государь мой, так немилосердно разгневаться изволили, что я вам в те поры барана не продал, находя оного барана себе необходимым.

Уповаем, что вы гнев свой на милость перемените, оного барана к вам с поклоном низжайше кланяемся и от нас с превеликим горем препровождаем. Примите, государь милостивый, и не лишите нас крова родительского, из коего мы на мороз лютый и убожество по грехам нашим изгнаны будем, а впрочем, остаемся, государь мой, вашего здоровья верные служители Ипат Тутотыпкин. Месяца Декавриа 24 дня. Жена Марфа Парфеновна, посылая вам поклон низкий, молит вас о том же, и младенец, дщерь Анна, также вам поклон шлет и от своего младенческого сердца

барана игрушечного, коего вы ей пожаловали, с усердием и любовью посылает».

Написал Письмо Ипат Исаич, как раз в утро, в сочельник. Воском запечатал.

Мороз на дворе стоит здоровый. «Кого, думает, с письмом послать? А конец не малый — двенадцать верных верст до усадьбы Ивана Иваныча. Думает: если послать мужика Гавлия или кучера Мамонта — все народ православный, хоть верхом пошлешь, а все прежде вечера не вернется, а тут праздник надо встречать. Как будто и грех христианскую душу посылать под великий Христов праздник.

И послали Телепня.

Посадили барана в мешок, а письмо положили за пазуху.

— Тащи баран к Иван... Кланяйся ему, баран отдай, письмо отдай... Понимаешь?!

— Лядна!

Снарядили, проводили, отправили.

Наступает рождественский вечер. Уже смеркаться стало. В большом доме Ивана Иваныча скучища непроходная. Ходит он по залам, на все лады зевает, ко всякой малости

придирается. Всех людей своих расшугал. Экономка отправилась в село Троицкое, к заутрене. Один как есть бобыль остался в большом доме.

Ходит он, ходит и все думает: «Погоди же, ты, друг-приятель мой Ипат Исаич! Вот тебя на праздниках, как таракана, из избы на мороз выгонят и садик твой и домишко мне достанется. Не хотел ты, друг любезный, барана мне продать, так и хата твоя и твой баран — все мне пойдет.

И от этой злой радости сердце у него трепещет и всю скуку долой гонит.

Отхлынет злая радость, и вспомнит бывшее Иван Иванович.

Вспомнит он, как Ипат Исаич раз его из полыни на Каме вытащил, от смерти лютой спас.

Вспомнит он, как он за ним и день и ночь ухаживал, от постели не отходил, когда он при смерти и в горячке лежал.

А тут мерещится ему кстати и покойница жена его Люба и дочурочка Нюша и вспомнит он другую Нюшу.

Вздохнет, глубоко вздохнет Иван Ивано-

вич, и все лицо его станет грустным да кротким.

Лег спать Иван Иванович, а сон не знай куда ушел. Возился, ворочался с боку на бок, переворачивался и свечку гасил, и опять зажигал, огня высекал. Все не спится и что-то чудится.

И чудится ему, что какая-то птица, не то сова, не то филин — близко тут, за амбаром так жалобно пищит. Утихнет ненадолго и опять:

— Пи-ю-ю! Пи-ю-ю! Пи-ю-ю-ю!

Что такое за оказия?! Любопытство разобрало Иван Иваныча. Встал он, накинул тулупчик, валенки натянул, подпоясался ремешком и вышел во двор.

Звездная рождественская ночь, точно морозный шатер, раскинулась над спящей землей...

VI

А в это время у Ипат Исаича в доме не спали. Эпихашка все к празднику приготовила. Кучер Мамонт, Гаврюша и даже мужик Гавлий убрались, принарядились, чистые рубахи надели, скоромным маслом волосы намазали. Везде перед образами свечки и лампадочки зажгли и ждут не дождутся, когда на старинных часах Ипат Исаича стрелки полночь укажут.

А Ипат Исаич и Марфа Парфеновна не с радостью, а со страхом душевным ждут праздника. Висит над их головами беда неминуемая, и оба ждут не дождутся, что им принесет Телепень: горе или радость?

И Гавлий, и Мамонт, и Эпихашка то и дело выбегают за ворота: идет или не идет «башкирско чучело»?

— Как же, дождешься его! — говорит Мамонт. — Давно к своим башкирам сбежал и барана стащил.

Но напрасно так они думают.

Только вошли они в избу, как немного поговя: скрип, скрип, скрип под оконцами. Вы-

скочили, бегут: что такое?

Тащит Телепень скорехонько, тащит большой мешок.

— Чего такое приволок?!

— Батюшки! Никак ему киргизских овец надавали!

— И то, с курдюками!

И все бегут за ним в горницу; ввалились, заскрипели, — морозный пар клубами валит.

— Запирайте, — кричат, — двери-то! Все комнаты выстудили.

— Ну, где киргизски овцы? Кажи, «чучело»!

Телепень еле дышит, пыхтит. Пар от него, что из бани. Свалил он мешок на пол.

— Сичас... добри чиловек... годи мала-мала... вязать нет будем/

Развязал, распустил мешок. Из него показалась голова Ивана Иваныча!

Все ахнули, руками всплеснули.

Телепень вытащил Иван Иваныча, в тулупчике, и барана вытащил, рядом поставил.

— Вот тебе... добри чиловек... Иван тащил и баран тащил...

— Ах ты, идол некрещеный!

— Ах ты, бухар, азиат... нехристь!

— Ах ты, баран... дерево!..

И все кинулись к Ивану Иванычу. Видят, что человек совсем обмерз. Слова не может сказать, только мычит, стонет и руками машет.

Повели его в угольную, уложили, шубами укутали. К рукам и ногам горячей золы приложили. Добрый стакан мятной в желудок впустили. Наконец, чаем с малиной отпоили, отпарили. Обогрелся, успокоился, уснул, наконец, Иван Иваныч.

Позвал Ипат Исаич остолопа башкирского. Насилу добудились его.

— Ах ты, богомерзкий истукан! Сказывай, зачем ты его притащил!.. Да не кричи! ни! ни!..

— Дюша моя!.. Сама говорил... Слушай Теплень: баран тащи, Иван тащи... Я Иван тащил, баран тащил... Чтоб тебе, дюша, весело был... Зачем бранишь?!

— Где же ты Ивана взял?

— А сам, дюша моя, ко мне пришел. Я его мала-мала манил... Угой (совой) кричал... Он ко мне шел... Я его маненька взял и мешкам

кчал.

— Зачем же я тебя, болвана сиволапого, с бараном-то послал?..

— А я думал... добри чиловек... Чтоб Иван один не скушна был... туда ему баран клал... Иван сидит, сидит... пищит мала-мала... Я говорю ему годи... добри чиловек... у тебя баран есть... Баран сидит, сидит... кричит мала-мала... Я ему говорю... годи, баран, у тебя Иван есть...

— А письмо-то куда дел?

— Вот, дюша моя, и письмо... Нигде не ронял... Назад тащил... На его!

И вытащил Телепень письмо, смятое, размокшее от поту, и подал его Ипат Исаичу.

Прогнали спать Телепня; ахали, охали, дивовались, шептались и даже смеялись втихомолку и, наконец, все тоже спать легли.

На другой день поднялись, когда уже ранняя обедня отошла.

Проснулся и Иван Иваныч, стал соображать, как он здесь очутился и как ему поступить в этом случае.

Должно заметить, что вчера он крепко перетрусил, когда Телепень сгреб его и засадил

в мешок. Он думал, что его, раба божья, сейчас же притащат к проруби и бух, прямо в озеро.

А утром очень уж обидно казалось ему, что его, как барана, насильно притащили.

В угловой комнате было тепло, приятно, на дворе солнышко светило, в углу перед образом тихим огоньком лампадка теплилась. Хорошо было, отраднo; а досада и злоба все-таки нет-нет да и наплывут, накроют сердце темной тучей. И совсем уже он был готов рассердиться и потемнеть, как в это самое время дверь тихонько отворилась, вбежала Нюша и прямехонько бросилась к нему на шею.

— Здравствуй, дядя Иваша! Вот тебе мой баран. Я тебе его вчера послала, да дурень Телепень в мешок его положил... Слушай, дядя Иваша, ты моего папу, маму не обижай!.. Стыдно, грех тебе будет... Нас... нас... всех выгонят на улицу... жить нам негде будет... — и она расплакалась.

А дядя Иваша взял ее на руки и начал целовать. И Нюша плачет, и дядя Иван плачет.

И так ему легко, хорошо стало. Точно все

прошло, и ничего не было, и старое опять вернулось во всей его старой прелести.

Вошли тихохонько Ипат Исаич и Марфа Парфеновна, вошли, оба молча низехонько поклонились.

А дядя Иваша подозвал их обоих, обнял и расцеловал.

И снова отдал Иван Иваныч, возвратил все, что оттягивал, и даже от собственной землицы степной целый клин подарил.

— Вот, мамочка, видишь, — говорит Нюша. — Я говорила тебе, что дядя Иваша только пошутил и все назад отдаст.

А вечером пришел Телепень и поклонился Ипат Исаичу.

— Прощай!.. добри чиловек... домой иду.

— Как! Зачем? куда!.. домой...

— Ты меня все бранишь... Я тебе барантачил... Иван тачил... а ты все бранишь...

И как ни уговаривали Телепня, — не остался.

— Да ты хоть подожди до утра, дурень! Куда, на ночь глядя, пойдешь?! Замерзнешь дорогой!

Но не остался Телепень и до утра. Ушел в

свои края вольные, на простор лугов и ко-
выльных степей.